ПОЗДНИЙ ЗВОНОК

Рассказ

Скоро полночь. Сижу над чужой диссертацией, читаю, а ещё надо отзыв писать, чтобы завтра хоть что-то сказать про неё. И стараюсь решить для себя, как соблюсти баланс между вежливостью и честностью.

Звонит телефон. Терпеть не могу, когда так позно звонят! Да ещё по городскому. Мобильный-то я, конечно, давно выключила. Мама уже спит в своей комнате и телефон может услышать.

Подхожу, недовольно отвечаю. На том конце – подруга Светка, в рыданиях. Понятно, поссорилась с мужем. Она делает это так регулярно, причём уже со вторым мужем, и считает необходимым каждый раз посвящать меня во все детали, ведь я же должна её поддерживать и уверять, что всё будет хорошо, он вернётся и они помирятся. Впрочем, в последнее время мне всё более отводитсятся роль пассивной слушательницы. Поддерживающих слов от меня требуется всё меньше, то ли Светка чувствует, что слов таких у меня уже не остаётся, то ли ей они и не нужны, а нужно только выговориться. А я для этого лучше всего подхожу. У меня всё не хватает сил остановить её излияния.

Опять с плачем рассказывает, как они ругались, как он обозвал её дурой и ушёл, хлопнув дверью. На её раскаянную истерию с самообвинениями я отвечаю:

– Да перестань ты. Ты же знаешь, что он вернётся.

– А если нет? – взрывается она.

Мне хочется ответить: твоё же счастье! Наконец избавишься от этого идиота, надутого самовлюблённого индюка!

Но не могу же я такое сказать подруге! Я вообще не могу давать ей советы – я замужем никогда не была. Мои познания в этой сфере – чисто теоретического характера.

Когда я с ней закончила, было уже за полночь. Нет, я точно завтра сорвусь и выскажу всё, что я думаю про эту диссертацию! Должна же я где-то разрядиться!

Тут снова звонок. Я со злостью хватаю трубку, думая, что это опять Светка, с намерением высказать ей теперь всё!

Нет, это не она.

– Здравствуй, Дина!

Это Вадим.

– Здравствуй,– отвечаю в замешательстве.

– Извини, что так поздно. Я уже полчаса пытаюсь, а у тебя занято.

Вежливый, как всегда, извиняться не разучился.

– Да,– говорю, всё ещё не зная, как реагировать, – я сейчас разговаривала.

– Как ты живёшь?– спрашивает дальше. – Слышал, большим человеком стала.

– Да какое уж там,– отвечаю,– так, в меру скромных сил. Мы звёзд с неба не хватаем.

Не знаю, принял он последнее на свой счёт, но он выдержал короткую паузу.

– Но ты не скромничай излишне. Мы ещё гордиться будем, что были знакомы с тобой.

Да, ты особенно! Я фыркнула в ответ.

Не дождавшись от меня ничего большего, он продолжил:

– А я снова вернулся в институт.

– Я знаю.

Конечно, я давно об этом знаю. Как же было не узнать: два года провёл в Японии, участвовал в исследованиях, а тут вдруг вернулся. Все думали, что он там останется.

– Захотел тебя услышать, – сказал он обезоруживающе.

– Да?– только и могла выдать я. Это был не вопрос и не ответ. Это был просто знак беспомощности.

– А ты совсем не рада, – грустно усмехнулся он.

Господи, а почему я должна радоваться?! Что ты мне сделал такого хорошего, чтобы я радовалась тебе?! – вскинулось снова во мне. Но я, конечно, сдержалась.

– Нет, – говорю, – извини, просто я так устала, что уже ничего не соображаю. Мне отзыв ещё надо на диссертацию сделать.

– Понятно, – усмехнулся тихо он, – значит, я просто не вовремя.

– Да, извини, давай в другой раз поговорим. Я просто сейчас не в состоянии...

– Да, конечно, – поспешно согласился он, – в другой раз поговорим.

Подождал немного.

– Я позвоню, – пообещал грустно.

– Да, конечно, позвони, – поспешно согласилась я. – Я буду рада.

Я бросила трубку, словно она обжигала мне руку. Всё это было не то. Не то, что я должна была сказать, и не то, что я хотела ему сказать. Это были просто какие-то отговорки. Всё это было не так.

Я встала и пошла на кухню, сама не знаю, зачем. О чтении диссертации, то есть об отзыве не может быть и речи. Попила воды. Посмотрела в окно. В доме напротив горели редкие окна. Зачем он позвонил?

Больше не позвонит, просто так сказал. Ну, и слава богу. Я забуду и успокоюсь. Перестану обвинять себя.

Вернуться к чтению. Читать всю ночь. Всё равно не засну.

Я должна была ему прямо сказать: «Какое право ты имеешь мне звонить?»

Я хотела сказать ему... Что я хотела сказать? «Приезжай сейчас же!»? Нет, абсолютно нет.

Ничего я не хотела ему сказать. Всё уже сказано.

Снова обжечься, как в прошлый раз, я не хочу. Тоже позвонил вдруг ни с того, ни с сего. Года три назад уже. Не устояла – встретились... Потом долго простить себе не могла.

У меня всё в жизни не так. Не так, как надо. Не так, как я хочу.

Ведь негодяй же вообще: у него жена и ребёнок, а он звонит любовнице, хоть и бывшей, когда ему взгрустнулось.

Сколько я сил потратила, чтобы освободиться тогда от него. А он опять напоминает о себе.

Если бы он был на моём месте, он бы прямо сказал мне, что не может со мной сейчас говорить, а потом спокойно вернулся бы к диссертации и писал свой отзыв, позабыв тут же обо мне. А я не могу, я должна о нём думать, вспоминать, обвинять себя, пытаться разобраться в том, в чём разобраться нельзя. Женщине вообще трудно отключиться от своих личных проблем.

Завтра вечером непременно Светка примчится с бутылкой, будем заливать душевные раны. Я вообще-то не очень люблю, когда она приезжает ко мне после ссоры со своим, – целый вечер потерян, она ещё ночевать останется. Но теперь это будет очень кстати. Ко мне уже давно никто не приходит, кроме Светки,

скоро совсем в отшельницу превращусь. Ни с кем не общаюсь, кроме мамы и наших кафедральных, так и одичать нетрудно.

С ним было всё давно, по-настоящему. Кроме него у меня не было никого в жизни. Даже если я хотела – не могла. А он был уже тогда женат.

И я долго билась с ним, не зная, продолжать или бросить. Иногда казалось, что он останется со мной, ещё немного – и останется. Но он по-прежнему уходил к ней. Может, я была не слишком настойчива, может, он не был уверен. Нет, дело не в том, конечно.

От жён не уходят.

А потом поняла, что я повторяю судьбу матери. А я не хочу этого. И я рассталась с ним.

Всё, читаю дальше диссертацию. Может, что-то хорошее смогу сказать.

У меня и так уже светится и мерцает перед глазами, дёргается левая половина лица (вроде не зубы – под коронкой какое-то воспаление, которое никак не вывести), ноет в правом боку, никак не пойму, по женской ли части или по какой другой. Чего вам надо от больной старой женщины?!

Говорят, из-за жены он и вернулся – она не смогла жить в Японии.

А я – старая дура, которая сидит в темноте и перечисляет себе, что у неё не получилось в жизни. Что всё прошло и всё было не так. Всё в жизни получается не так, как мечталось в юности.

И тут я сорвалась и расплакалась. Горячий солёный ком подкатил к горлу, он должен был куда-то выплеснуться. Сначала думала, что это жалость к себе самой. Сидела и обжигалась слезами. Потом поняла, что это не только обо мне. Если он всё ещё звонит...

Где-то там оно всё равно ещё осталось...

Конец мая. Молодая зелень беззаботно греется под солнцем, омывается дождём. Льёт светлый летний дождь.

По набережной под огромным коричневым зонтом идут двое – он и она. Она взяла его под руку, он держит зонт и несёт сетку с продуктами. Они остановились у ограды набережной, смотрели, как на поверхности воды расходятся капли дождя.

– Будет лето, и будет опять дождь с печалью звучать в унисон, – продекламировала она.

Он хотел спросить, что дальше, но не спросил.

Они постояли ещё немного у реки и пошли под арку во внутренний двор, где жила она. Дождь постукивал по зонту, вода лилась по водосточным трубам и потоками стекала по тротуару. Они скрылись во дворе.

И почему я с такой нежностью и печалью смотрю им вслед? Потому, что я знаю: она допишет тот стих, а потом поймёт, что он по-юношески наивен и ни на что не годен. И почему-то я знаю, что потом он будет вспоминать, как они в коммуналке на общей кухне жарили картофель и ели его с огурцом, сидя у окна в её комнате. Окно было открыто, дождь уже прекратился, и огуречная свежесть шла в комнату от мокрого города. И даже когда уже не интересует, как звучит дождь, иногда запах дождя вдруг будет наполнять его ожиданием счастья.

Мы с тобой смешные люди. Знаем, что ничего уже не будет. А мы всё помним и не можем отпустить.

ПРО ЛИКУ С

Рассказ

Страшнее всего, что они уходят. Ты заключаешь их в своё сердце и берёшь их в свою жизнь, а они уходят, исчезают, словно их и не было. И что теперь делать с ними? Если они остаются в твоём сердце. А я стою и бьюсь над вопросом: почему это всё? Зачем? И почему это всё со мной? Если бы это было возможно объяснить словами... Словами – чтобы раз и навсегда. А они ускользают, но я же их знаю, чувствую, что они здесь. Ещё немного – и я их найду. И я пойму что-то. Но они исчезают, они неуловимы. А может, их и нет вовсе? И ничего не объяснишь.

Мы с ней так и не смогли понять друг друга. Но это уже не важно, это в прошлом. А сейчас, смотрясь в зеркало, я всё чаще вижу мамину пепельную прозрачность глаз. И их же настороженность.

А ведь была когда-то прилежная ученица – кто в это поверит? Что же со мной сталось? Этот вопрос часто мне задавала мама. Меня-то он никогда не интересовал.

Ведь я даже музыкой занималась! Я уже сама верю с трудом в это. Но раньше у нас хранилось доказательство – моя скрипка. Мне она постоянно мешалась, я бы её давно продала или просто выкинула. Но мама не позволяла, она хотела, чтобы

эта скрипка была мне постоянным укором – чего я не достигла; а также постоянным напоминанием – сколько надежд в меня вкладывалось, а я их не оправдала.

Где сейчас эта скрипка, я даже не могу сказать. В последний раз я помню её, когда поступила в институт (моя первая попытка) и привела своего друга к себе домой. Он почему-то очень развеселился, увидев у меня скрипку, и долго пытался разобраться, как её использовать, к моему немалому развлечению. Он дошёл до того, что пытался играть на ней, как на балалайке. Это было слишком даже для меня, я отобрала у него скрипку. Что с ней после этого сталось, не знаю. Может, я сама от неё и избавилась.

Такой бестолковой и никчёмной дочери никому не пожелаешь. Два раза институт бросала. Это уже о чём говорит? Делала какие-то глупости всю свою жизнь, что и вспомнить стыдно. И ни до чего путного не дошла.

Я забываю Лику С. Ту, которая жила когда-то в этом городе. Она мне ничем не может помочь. И я радуюсь, когда замечаю: это не она! Она на такое не способна!

Ведь так получается: кто-то приходит в нашу жизнь, чтобы её сломать, а кто-то приходит, чтобы её починить. Но ему-то мы за это меньше всего благодарны.

После него мне уже никто не нужен был. Да мне уже не нужно было ничего. Я думаю, я тогда просто притворялась, что живу.

Не отрицаю, мне повезло, что я выбралась. Потому что тогда очень тянуло вниз, очень был велик соблазн пойти ко дну. Так было легче всего. И я уже пробовала этот путь, я знала, как легко по нему идти.

Когда живёшь и не думаешь, что любая малость вдруг потом окажется самой важной. И не знаешь, когда самое жестокое твоё поражение вдруг обернётся твоей самой большой победой.

Во время последнего бурного объяснения со своим гитаристом я так запустила в него пепельницу (массивную стеклянную пепельницу, он только что выкинул из неё окурки), что попала ему в голову. Он упал без сознания, лужа крови растекалась по полу. Я испытала страх. Безумный, животный страх. Такого я не испытывала никогда больше. Человека убила! В ужасе я бросилась прочь. И уже открыв дверь, выбежав на лестницу, я смогла взять себя в руки, остановилась (я и сейчас помню этот миг: что-то во мне, сильнее, чем я сама, сказало: Стоп! Назад!)

и принялась звонить к соседям, чтобы они вызвали «Скорую». Я заплетающимся языком что-то объясняла открывшему соседу и сползла по стенке на пол, стала биться в истерике. Врачам пришлось ещё и меня в чувство приводить. Ума у меня хватило на то, чтобы сообщить, что я нашла его в таком виде. Он меня тоже не заложил. Он пришёл в себя, я с ним больше не встречалась, то ли боялась мести, то ли просто страшно было ему в глаза посмотреть. Это было, видимо, самое ответственное решение в моей жизни, когда я остановилась и вернулась, чтобы позвонить в дверь к соседям.

Такое же решение я приняла, когда уезжала отсюда. Единственное, что держало меня здесь, была мама. Но тогда я не сознавала этого, никто или ничто не сказал мне: Стоп! Не делай этого! А теперь уже поздно.

Просто на свете был мальчик, который предал меня в тот момент, когда он больше всего был необходим мне.

– Ты же знаешь, что у меня проблемы,– сказал он мне, когда всё шло к концу.

– Проблемы, у тебя всегда проблемы!– закричала я в ответ.

У тебя одна проблема – чтобы товар на складе не залежался,– хотела ещё сказать я.

Две жизни Лики С. Какая из них настоящая?

Мы с ним всё равно не сумеем поладить и понять друг друга. Прежде он нервировал меня своими наставлениями и поучениями. Хотя какое право он имел на это, если он устранился из моей жизни? Потом я уже сама могла ему кое-что высказать.

Один раз он вдруг пустился в воспоминания, как я пошла в первый класс и делала уроки, болтала ногами, сидя за столом, и напевала что-то своё, и при этом выводила такие каракули в прописи, что просто страшно становилось!

И я, наблюдая благостное умиление на его лице, спросила:

– И тебе стало так страшно, что ты бросил нас с мамой?

От его умиления не осталось ни следа. Он весь перекривился:

– Я вас не бросал!

– Ах, вот как! – я уже не могла остановиться. – Ты нас просто оставил на время? Только почему-то забыл вернуться.

Я постоянно била на это. Мне кажется, я даже убедила его в его вине. Хотя он всегда оправдывался, что мама виновата, что она не позволяла ему встречаться со мной. А чего он ожидал? Я бы тоже не простила ему такого предательства. Да и потом,

чтобы получить прощение, надо хотя бы попытаться попросить его. А он же просто не может взять на себя ответственность.

Где она, эта девочка, которая напевала себе под нос?

Я вспомнила. Я была ещё маленькой, года четыре, поэтому воспоминания смутные. Мы гуляли с отцом, я каталась с горки, он стоял поодаль и разговаривал с какой-то тётей. Встретил тётю с работы,– объяснил он мне. Была поздняя осень, у тёти были, я запомнила, чёрные лакированные сапоги-чулки, у мамы тоже были такие – туфли с блестящими чулками-голенищами, которые натягивались до колена. Я любила их гладить руками.

Я бегала вокруг горки, махала сверху отцу рукой, кричала, чтобы он смотрел. Он махал мне рукой в ответ, а сам разговаривал с ней. Она была очень серьёзна, посматривала на меня, отводила взгляд, когда ловила мой взгляд. Папа отвечал ей, улыбаясь, смотрел в землю, отвлекался на меня, когда я кричала. Как они прощались, я не видела, отец подошёл, взял меня за руку, мы пошли домой.

Ушёл он потом, кажется, к другой.

Я никогда не верила словам. Слова говорили просто так. Говорили, а делали по-другому. Говорили, что любят, а забывали; говорили, что будут с тобой, а уходили; обещали заботиться о тебе и предавали.

Словам можно верить, только когда они говорят о плохом. Говорят, что не любят, говорят о болезни, говорят, что надежды нет, что всё кончено, – значит, это правда. И тебе потом самой справляться с этой правдой.

И никто не придёт и не спасёт, можешь сколько угодно молить и плакать в подушку. А если и спасёт, то совсем не так, как тебе этого хотелось.

Всё это просто слова. Которые я никому не скажу. Я их коплю, в душе надеясь кому-нибудь подарить. Никому они не нужны. Они напрасны. А я их собираю, как приговорённая, трясусь над ними, словно в этом заключается весь смысл. Словно хочу сама понять, и тогда станет легче, всё встанет на свои места.

г. Санкт-Петербург